

Бай Ча тоже смотрел этот стрим.

В отличие от обычных зрителей, они с другом гоняли ползунок туда-сюда почти два часа, разбирая короткое получасовое видео по кадрам, не упуская ни одной детали, — и все равно не нашли ни малейших признаков читов.

Долгое время он молчал.

Наконец сидевший рядом друг попытался его утешить:

— Вообще-то даже съемка экрана и рук не может на сто процентов доказать, что читов не было.

Бай Ча не отрывал взгляда от монитора.

Когда PUBG только вышла, это была игра-феномен, ей не было равных по популярности. Но из-за бездействия разработчиков читы расплодились повсюду, а китайский сервер все никак не запускали — и игра постепенно начала терять популярность. Многие его знакомые уже давно ушли в другие проекты.

Именно поэтому к читерам он испытывал почти болезненную ненависть.

Конечно, съемка экрана и рук не могла служить абсолютным доказательством. Но, разбирая запись кадр за кадром, он заметил красный след на правой руке Late.

Это мелькнуло всего на миг, но как студент-медик он все равно распознал ожог, еще не успевший окончательно зажить. Вспомнив, как Late играл вчера, он почти сразу понял, в чем причина.

Сегодняшний Late — вот это и был нормальный Late.

Бай Ча открыл стрим и впервые в жизни опустил голову, извиняясь прямо в эфире:

— Это я оказался слабее.

На стриме повисла тишина.

«Если он и правда не читер, то двадцать киллов за матч — у этого Late реально сумасшедший уровень. K/D у него, наверное, просто жуткий»

«Что делать, я же только что ходил к нему на стрим ругаться... Пойду хоть рыбки закину»

«Я с тобой»

«Я тоже»

[Чашка латте подарил вам сушёную рыбку ×10]

[Соевый десерт подарил вам сушёную рыбку ×30]

[Тысячеслойный креп подарил вам сушёную рыбку ×4]

Шэнь Чи смотрел на экран, не понимая, что происходит. Всего за полчаса ему накидали донатов больше чем на пятьсот юаней, а число подписчиков выросло с чуть больше ста до тысячи.

Этого ведь... хватит на порцию мяса в соусе?

Юноша нерешительно взглянул на баланс, но в конце концов не устоял перед соблазном и вышел из интернет-кафе купить маленькую горячую порцию мяса в соусе.

Когда Шэнь Чи вернулся на место, его ждало неожиданное сообщение. Он даже замедлил движение, отодвигая стул.

[Бай Ча]: Извини за то, что было сегодня. Прости, что создал тебе проблемы. Надеюсь, ты не слишком злишься.

Шэнь Чи сел и, опустив голову, ответил:

[Азия-номер-один-бог-войны]: Не меня же вынесли с одного выстрела. С чего мне злиться?

Похоже, Бай Ча такого ответа не ожидал — его словно поперхнули, и какое-то время он ничего не писал. Потом все же прислал файл.

[Бай Ча]: Жуань Янь говорил, что ты стримишь совсем недавно. Я сам когда-то начинал с маленького канала. Думаю, этот материал тебе пригодится.

Шэнь Чи открыл документ. Это были заметки Бай Ча о стримах — весь его опыт и выводы. Шэнь Чи сидел перед монитором и листал страницу за страницей.

Дочитав до конца, он вдруг нахмурился.

Выходит, стримеру еще и нужно общаться со зрителями?

Он какое-то время смотрел на выключенный значок микрофона в игровом интерфейсе, а потом открыл WeChat.

В Нью-Джерси уже стояла глубокая ночь. Янь Сюэсяо вышел из библиотеки и вернулся в общежитие. Черновик еще не был дописан, и он, сев за стол, снова открыл компьютер.

В этот момент в дверь постучали.

Он слегка нахмурился, подошел и открыл.

Янь Цзи внутрь заходить не стал.

— Позавчера у Sotheby's был аукцион. Я услышал, что там выставили рукопись философа Хайдеггера, и сразу выкупил ее для тебя.

Молодой человек опустил взгляд.

Хайдеггер закрепил свое место в философии книгой «Бытие и мир», вдохнув новую жизнь в угасающую метафизику, — так же, как Витгенштейн для аналитической философии. Но ценность заключалась в самой мысли, а не в дорогой рукописи.

И все же он сказал:

— Спасибо, дядя.

— Я ненадолго, — в голосе Янь Цзи сегодня слышалась редкая спешка. — Стоило мне уехать в отпуск, как твой отец уже вызвал меня назад. С покупкой RA возникли проблемы. Немецкие акционеры подняли цену и требуют выкупать по 350 евро за акцию — это на половину выше рынка. Похоже, нам еще предстоит долго бодаться.

Договорив до этого места, он вдруг оборвал себя:

— Да чего я вообще тебе это рассказываю? Ты же в этом не разбираешься.

Но, к его удивлению, Янь Сюэсяо задумчиво произнес:

— Сначала стоит продолжать переговоры, показывая максимум готовности к сделке.

— А потом?

— В газетах писали, что акции РА сильно распылены.

Янь Цзи тут же все понял.

Если договориться удастся — тем лучше. А если нет, можно, пока в РА не спохватились, напрямую начать скупку на рынке капитала. Метод был жесткий до предела.

Его племянник интересовался только философией, так что, должно быть, просто сказал первое, что пришло в голову. Янь Цзи не придавал этому значения. Уже собираясь уходить, он вдруг заметил экран компьютера на столе.

— С каких это пор ты смотришь стримы?

Он мгновенно насторожился.

Раньше племянник никогда стримами не интересовался. А Янь Цзи насмотрелся новостей: все эти стримерши только и делают, что тянут из людей деньги, то «гэгэ», это «гэгэ». Его племянник с таким трудом зарабатывает в кофейне свои копейки — нельзя же позволить, чтобы его обобрали.

Взгляд Янь Сюэсяо на мгновение задержался на игровом экране.

— Случайно открыл, — спокойно ответил он.

Янь Цзи заметно успокоился и ушел.

В глубине души ему даже стало немного жаль: вот бы у его племянника все сложилось с тем мальчиком из Пекинского университета — и ему самому было бы спокойнее. Два года назад он видел Линь Сыняня, тот казался очень послушным ребенком.

Чего он не знал, так это того, что далеко в Яньчэне Линь Сынянь снова проснулся от кошмара. С бледным лицом он спустился вниз завтракать с семьей.

— Ты добавил Янь Сюэсяо? — спросила мать.

— Да, — тихо ответил он.

Заметив его тревогу, мать мягко успокоила его:

— Он в Принстоне, спокойно занимается философией. Я слышала, по характеру он тоже мягкий, совсем не такой, как остальные. Не бойся.

Услышав это, Линь Сынянь опустил голову, и лицо его стало еще бледнее.

Ему снился сон.

Во сне Янь Сюэсяо вовсе не был таким, как говорила мать.

Напротив — именно он был самым страшным человеком в семье Янь.

Если нынешняя семья Янь еще только сверкала обнаженной сталью, то под властью Янь Сюэсяо она достигла настоящего зенита.

К тому времени Янь Сюэсяо уже давно остался совершенно один. К нему никто не смел приблизиться, и о философии он больше не говорил ни слова.

Линь Сынянь до сих пор не мог забыть те ледяные глаза.

Его собственные глаза были полны ужаса.

Янь Сюэсяо закрыл дверь и вернулся к столу.

Он только успел раскрыть книгу, как пришло новое сообщение.

[Шэнь Чи]: Можно у тебя кое-что спросить?

[Шэнь Чи]: Я прочитал в советах, что стримеру нужно общаться со зрителями, но не знаю, стоит ли мне включать микрофон. У вас в этой сфере, наверное, есть опыт, так что хочу спросить твое мнение

Янь Сюэсяо не понял, к какой именно сфере его сейчас причислили, но все же спросил:

[Янь Сюэсяо]: Почему не включаешь?

Ответ пришел только спустя долгое время.

[Шэнь Чи]: Один человек сказал, что если я начну говорить, то легко кого-нибудь обижу, так что лучше стримить без микрофона. И я сам не знаю, какой у меня голос

[Шэнь Чи]: Можешь послушать?

Янь Сюэсяо дошел глазами до последней строчки, и рука, лежавшая на телефоне, на миг замерла.

Он открыл присланное аудио.

Это оказался голос подростка. Не такой холодный, как он ожидал, а удивительно ясный и чистый. И, возможно, из-за смущения последняя нота в нем едва заметно дрогнула.

Кадык Янь Сюэсяо едва уловимо качнулся. Он опустил глаза и ответил коротко:

[Янь Сюэсяо]: Неплохо.

<http://bllate.org/book/17902/1713758>